

Глава 108. Надеть краденую одежду

Это чувство было странным. Сколько он ни перебирал воспоминания, он не мог припомнить ни зверя, ни человека по имени Тан-Тан. И всё же эти два слога почему-то необъяснимо тревожили и раздражали его.

Фу Линцзюнь слегка нахмурился, и лицо у него стало недовольным.

А вот Цзян Тан считал, что пухлый малыш умеет давать имена. Раньше здоровяк звал его Сяо Баем, Фу Линцзюнь — тупой псиной; одно другого краше. Куда лучше маленький Фу Чэнь: Тангао, Тангао — и звучит приятно, и смысл в нём есть. Какое хорошее имя.

Пухлый мальчишка решил, что брату это имя не понравилось, и тут же повис у него на руке:

— Тангао очень красивое имя!

Фу Линцзюнь, сам не зная, о чём задумался, тихо хмыкнул в ответ, отпустил Фу Чэня и поднялся на ноги.

Поскольку лапа у Цзян Тана ещё не зажила, Фу Чэнь недолго с ним играл. Немного подразнил, немного погладил, просидел рядом всё утро и ушёл.

Фу Линцзюнь же оставался таким же, как при их первой встрече: холодным, отстранённым и совсем не любителем с ним возиться. Либо сидел и читал, либо уходил по делам.

Цзян Тан совершенно невозмутимо прожил несколько дней на положении дармоеда.

За эти дни он ровным счётом ничего не делал — только ел, пил и залечивал рану.

Лапа, впрочем, заживала быстро. Уже через пару дней боль почти ушла; сегодня, когда он потянулся, в вытянутой лапе осталось только лёгкое тянущее ощущение. Наверное, уже завтра можно будет и бегать, и прыгать.

Вот только с симпатией дело почти не сдвинулось.

Как и полагается столпу праведного пути, Фу Линцзюнь явно был не так свободен, как раньше. Со слов Фу Чэня, не так давно Фу Линцзюнь стал главой одного из восьми пределов и поэтому долго не возвращался домой; вернулся он лишь недавно. Но даже дома всё было так же: чуть свет — уже ушёл, до темноты не возвращался.

— В ближайшие дни я буду очень занят, — говорил Фу Линцзюнь, когда поздно возвращался и

иногда гладил пушистый подбородок комочка. — Я велел служанкам приносить тебе еду. Не капризничай, обязательно ешь.

Цзян Тан подумал: он съест что угодно, лишь бы только это было не варёное мясо без соли! Вот уж самомнение у великого даоса.

Немного побыв вместе, человек и пушистый комочек снова расходились: Фу Линцзюнь отправлялся заниматься совершенствованием в одиночестве.

Цзян Тану казалось, что он не просто похож на одинокого старика в пустом доме — он им и был. Жил в этом крошечном гнёздышке, никуда не выбирался, симпатию не повышал, и от этого на душе становилось всё тревожнее.

Когда он проснулся в следующий раз, почти сразу почувствовал неладное.

Из-за густой шерсти и мягкого гнезда спать ему раньше было совсем не холодно. Но сегодня, проснувшись, он ощутил, что всё тело окоченело от холода.

В мире зеркальных цветов и луны в воде сейчас стояла весна — ни жарко, ни холодно, самая приятная пора года. Откуда же взялся этот холод?

Он сжался и хотел забраться поглубже в гнездо, но наткнулся только на ледяной пол.

Хм? Неужели стоило лапе чуть зажить, как он тут же начал во сне вертеться без удержу?

С сонным раздражением Цзян Тан открыл глаза, собираясь найти своё гнездо и снова улечься спать, потянулся лапой... и увидел тонкую, обнажённую, до боли знакомую руку.

Это была его рука. Человеческая рука.

Сон с него как ветром сдуло!

Неужели он снова стал человеком? Когда успел? Фу Линцзюнь это видел?!

Цзян Тан рывком сел. Чёрные волосы каскадом упали вниз, прикрывая большую часть совершенно обнажённого тела.

...И что тут сказать? Он не знал, чему радоваться раньше: тому, что, превратившись в человека, хотя бы не оказался с копной демонически красивых лунно-белых волос, или тому, что снова подтвердилось это постыдное правило — вместе с человеческим обликом обязательно идёт полная нагота.

Торопливо оглядевшись, он убедился: Фу Линцзюня нет ни на кровати, ни за столиком у постели. Внутри Водной Беседки в Облаках стояла тишина. Только где-то возле окна щебетали птицы, усевшиеся на бледно-розовые ветви.

Молча протянув руку, он сдёрнул с постели простыню и завернулся в неё.

Верно. Он вспомнил. Вчера Фу Линцзюнь говорил, что будет очень занят, велел ему не капризничать и обязательно есть как следует.

С раннего утра он уже ушёл, так что, наверное, не видел этой жутковатой сцены, как пушистый комок вдруг превратился в человека... наверное.

Цзян Тан и сам не понимал, чему сейчас больше радоваться — тому, что наконец снова стал человеком, или тому, что это произошло именно сейчас.

Ещё раз прокрутив в голове тот факт, что когда-то он каким-то образом умудрился начать встречаться с Фу Линцзюнем, Цзян Тан выудил из этого кое-какие выводы. Во-первых, тогда он месяцами без устали ластился к большому боссу в облике пушистика, понемногу создавая хоть какую-то почву для чувств, и только потом превратился в человека. А здесь он рядом с Фу Линцзюнем от силы всего несколько дней — слишком мало, чтобы между ними успело что-то возникнуть.

Вот вам и доказательство: ему даже не полагалось спать на кровати!

Во-вторых, разный жизненный опыт означал и разное отношение к вещам. Фу Линцзюнь, проживший тысячи лет под печатью в долине Тяньбэй, наверняка не стал бы слишком оглядываться на условности — он и сам уже давно был человеком, идущим наперекор всем канонам. А здесь, в этом мире, он всё ещё почтенный господин Юйань. Сможет ли он принять тот факт, что выращенный им зверёк вдруг стал человеком, да ещё и любит его сильнее всех на свете, — вот это уже совсем не очевидно.

Так что Цзян Тан занервничал.

И тут появилась новая причина занервничать ещё сильнее. Настало время завтрака, и он уже услышал, как к дверям зала приближается служанка.

Если он не хотел, чтобы его застали в таком виде, прятаться нужно было немедленно!

Цзян Тан не успел придумать ничего умнее. Завёрнутый в простыню, босой, он в панике заметался по комнате, как муха без головы, и только за миг до того, как служанка вошла, успел добежать до шкафа, распахнуть дверцы и спрятаться внутри.

Скрип...

Одна дверь закрылась, другая открылась. Эти два звука почти слились в один.

Служанка ничего не заметила и вошла с тем, что велел принести господин Юйань. Она уже не впервые приносила сюда еду — в прошлый раз варёное мясо приносила тоже она, — так что привычно направилась во внутренние покои и увидела пустое гнездо.

— А? Куда же он делся?..

До Цзян Тана донёлся ясный звон поставленного на пол подноса и растерянное бормотание служанки.

Похоже, она даже наклонилась и заглянула под кровать, осмотрела стол, стулья и углы. А убедившись, что белого пушистого комочка нигде нет, поспешно выбежала наружу.

— Сестрица Сяююэ, когда господин Юйань уходил сегодня утром, у него на руках случайно не было белого маленького зверька? — встревоженно спросила она другую служанку Водной Беседки в Облаках.

— Не заметила... А что такое?

— Он пропал! — в голосе служанки звучало беспокойство. — Я не знаю, не убежал ли он куда-нибудь... Господин Юйань велел мне только отнести еду и не разрешал задерживаться во внутренних покоях, поэтому я не осмелилась как следует осмотреться и сразу вышла. Может, сестрица Сяююэ, ты видела, хорошо ли была закрыта дверь? Вдруг зверёк заметил, что она не заперта, и выбежал наружу?

Служанка по имени Сяююэ задумалась, затем понизила голос и предложила:

— Давай я схожу с тобой и ещё раз всё осмотрим. Маленькие зверьки любят бегать где попало. Раньше у него лапа болела, наверное, он уже весь измучился сидеть на месте. Давай спокойно всё обыщем...

Спрятавшийся в шкафу Цзян Тан напрягся всем телом.

Разумеется, попадаться ему не хотелось. Но в нынешнем виде, полуголому и едва прикрытому, он никак не мог вот так просто сбежать. К счастью, он спрятался именно в шкафу, а внутри висело немало одежды Фу Линцзюня. Благодаря отличному ночному зрению Цзян Тан быстро отыскал среди них обычную форму учеников рода Фу из Гуанлина.

Когда он только попал в этот мир, то сразу заметил: одежда рода Фу из Гуанлина очень похожа на одежду рода Сун из Цзэяна. Вернее, скорее уж одеяния рода Сун были похожи на одежду рода Фу. И там и там — белая ткань с золотым узором, а на плечах и спине золотыми нитями был вышит феникс с распахнутыми крыльями; выглядело это необыкновенно внушительно.

Но у рода Фу феникс был не чисто золотым, а ещё более роскошным — золотисто-алым, точь-в-точь как изначальное духовное пламя у прямой линии рода Фу.

Раньше Цзян Тану казалось, что одежда рода Сун очень красива, но, увидев одежду рода Фу, он вдруг почувствовал во всём этом что-то странное. Только вот о делах прошлых лет он ничего не знал и уж тем более не мог расспросить давно умершего Сун Юнчжэна, почему тот решил делать одежду по образцу рода Фу. Так что он просто разорвал простыню и кое-как натянул одежду на себя.

Разница в телосложении между ним и Фу Линцзюнем оказалась слишком велика. Одежда болталась на нём страшно свободно: штаны, рукава, пояс — везде оставалось слишком много лишнего. Он и правда выглядел как ребёнок, стащивший взрослую одежду.

Снаружи служанки уже собирались войти обратно. Не решаясь медлить, Цзян Тан схватил наугад пояс и поспешно бросился к задней части внутренних покоев.

Там тоже было два окна, и за ними раскидывались целые горы цветущих деревьев.

Упершись руками в подоконник, Цзян Тан с усилием забрался на него, развернулся и спрыгнул вниз. Широкая одежда мешала каждому движению, так что дело шло с трудом. К тому времени, когда он наконец приземлился, служанки уже ворвались в комнату.

Он ещё собирался закрыть окно, но теперь было не до того. Пригнувшись, он поспешил улизнуть. Длинная одежда скрывала босые ступни, и он несколько раз едва не запутался в полах и не рухнул. Лишь отбежав подальше, он спрятался в укромном уголке и принялся отчаянно подтягивать штаны и затягивать пояс так туго, как только мог, чтобы хотя бы можно было нормально ходить.

С одеждой он разобрался — тут же пришлось думать о волосах. В бессмертной обители Гуанлинь человек с распущенными волосами был бы слишком заметен. Шпильку он, конечно, прихватить не успел, так что просто сорвал веточку с цветами и кое-как собрал волосы: часть оставил распущенной, часть подвязал. Теперь вид у него уже не казался таким вызывающим.

— Эй, цветы рвать нельзя! — раздался сзади мужской голос.

От неожиданности Цзян Тан весь дёрнулся и уже хотел сорваться наутёк.

— Тебе говорю! Обернись! Это ещё кто такой? Ты что, даже в Водную Беседку в Облаках полез цветы воровать? — голос приближался, и в нём слышалось что-то смутно знакомое.

Цзян Тан застыл, не смея пошевелиться, но уже узнал, кто идёт.

Это был пухлый юноша из сна Фу Линцзюня — Фу Нин.

Цзян Тан впал в отчаяние.

Всё, конец, конец. Для этого мира он был чужаком; в Гуанлине все знали друг друга в лицо. А он вдруг возник возле Водной Беседки в Облаках, в явно неподходящей по размеру одежде... Его точно выставят вон, а то ещё и хорошенько допросят с пристрастием!

Да лучше бы он остался в шкафу и просто положился на удачу! Ну зачем, зачем он вообще оттуда вылез?.. У-у-у.

Фу Нин подрос быстро. Хотя был толстячком, роста ему было не занимать. В два-три шага догнав Цзян Тана, он опустил тяжёлую ладонь ему на плечо, развернул и подтянул к себе.

Цзян Тан выглядел так, словно уже мысленно зажёл себе поминальные свечи.

Фу Нин уставился на Цзян Тана, Цзян Тан — на него. Некоторое время они просто таращились друг на друга.

— Хм... — в глазах Фу Нина на миг мелькнуло недоумение. Он несколько раз оглядел лицо Цзян Тана и всё-таки спросил: — Как тебя зовут-то?

У Цзян Тана было чувство, будто он уже одной ногой в могиле, но всё равно отчаянно пытается трепыхаться. Так что он на ходу выдумал себе имя:

— Фу Тан.

Услышав это имя, Фу Нин тут же просиял, хлопнул в ладоши и улыбнулся:

— А-а, точно, Фу Тан! Ну и память у меня!

А затем посмотрел на его одежду и недоумённо спросил:

— Ты же внешний ученик. Почему не пошёл помогать в павильон Цанхай, а прячешься здесь и ломаешь ветки? Во всей обители Гуанлин, что ли, цветов мало, раз уж тебе непременно понадобилось явиться именно в Водную Беседку в Облаках и рвать здешние?

Вот теперь настал черёд Цзян Тана ошалеть.

Постойте... он же просто наугад выдумал это имя, и толстяк ему поверил? Совсем не удивился, что лицо незнакомое, что он не из Гуанлина? Это у него память плохая или глаза?

Он даже не успел ничего сообразить, как Фу Нин уже потащил его за собой. Обуви на нём не

было, и стоило пройти по горной тропе пару шагов, как ступни тут же заныли. Терпеть пришлось до самой широкой дороги — там стало чуть легче.

Вокруг понемногу начали попадаться люди из рода Фу — и старики, и дети, и мужчины, и женщины.

— А? Сяо Нин, а его как зовут? — некоторые, увидев Цзян Тана, тоже на миг замирали и с любопытством спрашивали.

— Фу Тан. Внешний ученик, пришёл помогать в павильон Цанхай, — Фу Нин отвечал родне очень вежливо и всякий раз с полной серьёзностью.

Хотя имя Фу Тан Цзян Тан только что придумал на ходу, ни у кого оно не вызвало ни малейших подозрений. Все лишь понимающе кивали и продолжали заниматься своими делами.

Что вообще здесь происходит?!

Сначала такой случай был один, но потом подобное начало повторяться снова и снова. Цзян Тан сперва пугался, потом понемногу привык и наконец понял: этот мир, похоже, вовсе не отталкивает его.

Они будто давно его знали и совсем не настораживались рядом с ним.

Как если бы в тот миг, когда Фу Линцзюнь провалился в мир зеркальных цветов и луны в воде, его облик уже успел влиться в подсознание этого мира.

<http://bllate.org/book/17032/1722627>